

DOI 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-235-248

УДК 004.738:39

Светлана Юрьевна Белоруссова

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-2069-3452

E-mail: svetlana-90@yandex.ru

Кибердиаспора: аналитический обзор*

АННОТАЦИЯ. В позиционировании «этнического интернета» заметная роль принадлежит диаспорам, для которых виртуальность замещает одно из оснований этничности — единство территории. Интернет способен создать «чувство места» и дать мигрантам и рассредоточенным группам ощущение единства и вовлеченности в культурные традиции. В то же время виртуальные сети облегчают возможность физически собраться членам сообщества, находящимся вне единого пространства. Статья обзора анализирует позиции автора относительно формирования кибердиаспор, их опыта функционирования и межличностного взаимодействия. Как показывают результаты исследований, киберпространство как «земля нигде» позволяет постоянно перестраивать и переделывать отношения с родиной. Благодаря виртуализации «цифровые диаспоры» обладают автономностью и формируют собственные стратегии презентации сообщества. При этом конструирование образа группы происходит и с внешней стороны, что влияет на внутреннюю целостность и самосознание сообщества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: диаспора, кибердиаспора, виртуальное пространство, виртуальная этничность, киберэтнография

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Белоруссова С. Ю. Кибердиаспора: аналитический обзор. *Кунсткамера*. 2021. 4(14): 235–248. doi 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-235-248

* Статья подготовлена в рамках реализации проекта РНФ «Визуализация этничности: российские проекции науки, музея, кино», № 19-18-00116.

Svetlana Belorussova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-2069-3452
E-mail: svetlana-90@yandex.ru

Cyberdiaspora: An Analytical Review

ABSTRACT. Diasporas play a significant role in the positioning of the “ethnic Internet”, for which virtuality replaces one of the foundations of ethnicity, i.e. territorial unity. The Internet can create a “sense of place” and give migrants and dispersed groups “a sense of unity and involvement in cultural traditions.” At the same time, virtual networks make it easier for community members not sharing the same space to gather in the physical realm. This article reviews the author’s position regarding the formation of cyberdiasporas, their experiences of functioning and interpersonal interactions. As the research results show, cyberspace as the “land of nowhere” allows “constantly rebuilding and remaking relations with the motherland.” Thanks to virtualization, “digital diasporas” have autonomy and form their own community presentation strategies. At the same time, the image of a group is also constructed from the outside, which affects the internal integrity and self-consciousness of the community.

KEY WORDS: diaspora, cyberdiaspora, virtual space, virtual ethnicity, cyberethnography

FOR CITATION: Belorussova S. Cyberdiaspora: An Analytical Review. *Kunstkamera*. 2021. 4(14): 235–248. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-235-248

В позиционировании «этнического интернета» заметная роль принадлежит диаспорам, для которых виртуальность замещает одно из оснований этничности — единство территории (Белорусова 2021). По словам Е. Скопа, интернет способен создать «чувство места» и дать мигрантам и рассредоточенным группам «ощущение единства и вовлеченности в культурные традиции». В то же время виртуальные сети облегчают возможность физически собраться членам общества, находящимся вне единого пространства (Scop 2014: 83). К. Х. Карим отмечал, что «феномен межконтинентальной диаспорной коммуникации существовал веками»: члены диаспор быстро принимали и адаптировали для своих нужд новые средства связи, начиная от телеграфа и стационарного телефона и заканчивая мобильной связью и социальными сетями. Интернет особенно подходит для нужд диаспоры: обладая беспрецедентной доступностью и глобальным охватом, он способствует адаптации на новом месте и активации идентичности (Brinkerhoff 2009: 12; Lieberman 2003: 212).

А. Алонсо и П. Оярзабал определили цифровые диаспоры как «отдельные онлайн-сети», которые используются «для воссоздания идентичности, обмена возможностями, распространения своей культуры, влияния на политику родины и принимающей страны или проведения дебатов по вопросам общих интересов с помощью электронных устройств» (Alonso, Oiarzabal 2010). По мнению М. Маллапрагады, «идея цифровых диаспор плодотворно расширяет и усложняет наше понимание текущих процессов формирования транснациональной идентичности» (Mallapragada 2013: 39). Автор называет домашнюю веб-страницу диаспоры «тропой дома», поскольку она «обладает способностью отрицать “реальную” материальную, физическую и территориальную логику национального государства... [и является] местом для создания и разрушения традиционных идеологий дома и родины» (Mallapragada 2013: 39).

Исследуя зарождение украинской цифровой диаспоры в конце 1990-х годов в Канаде, Л. Крековецки заключила, что внетерриториальная сущность интернета «глобализирует коммуникацию и подчиняет местные особенности более широким универсалиям», создавая тем самым виртуальную географию. Интернет «служит идеальным средством коммуникации для диаспоры, которая по определению является глобальной». Виртуальный мир освобождает коммуникативную практику от специфики места и создает виртуальное пространство, в котором диаспора может общаться и взаимодействовать. Таким образом, онлайн-пространство переносит этнический опыт из локального контекста в глобальный (Krekhovetsky 1998: 29–30).

По словам Крековецки, определение виртуального сообщества Х. Рейнгольда сходно с пониманием диаспоры: «Как и виртуальное сообщество, диаспора основана на выражении общих интересов и опыта, включая этническое происхождение, язык и культуру; и поскольку выражение этих общих интересов тесно связано с индивидуальными и коллективными самосознаниями, существует значительная степень личного участия в таких дискуссиях» (Krekhovetsky 1998: 42). Джоунс определил, что «виртуальные сообщества являются точками перехода для общих верований и практик, которые объединяют физически разделенных людей», что также соотносится с концепцией диаспоры (Jones 1995: 18). По мнению В. Бернал, интернет является «квинтэссенцией диаспоры», поскольку в нем происходит формирование общих трендов, определение персональных потребностей и выявление возможностей для самореализации (Bernal 2006: 168). Р. Трандафою предположила, что «интернет позволяет пользователям формировать среду по своему образу и подобию, поэтому они перестают быть простыми потребителями и начинают контролировать свои социальные и культурные нужды... Таким образом, возможности интернета формируют и питают воображение иммигрантов» (Trandafoiu 2013: 2).

С одной стороны, интернет дает возможность адаптации к незнакомым условиям и утверждению группы на новом месте (Mitra 2005: 378), с другой — коммуникация в глобальной сети связывает сообщество с местом отбытия, создавая тем самым ощущение близости с домом. При этом отдаленность от родных территорий и ментальная дистанция с принимающим сообществом позволяют выработать собственные стратегии развития: «Цифровая политика диаспоры все

больше формирует внутреннюю политику посредством дистанции, размышлений и критики» (Bernal 2006).

Сегодня большинство диаспор активны в киберпространстве, поскольку по своей природе и технологии интернет-ресурсы отвечают многим их интересам и задачам (Пожидаева 2016: 25). Интернет-диаспоры ныне нередко называются «цифровыми диаспорами» (digital-diasporas), «киборг-диаспорами» (cyborg-diasporas) или «виртуальными онлайн-воображаемыми этническими сообществами» (virtual-online-imagined-ethnic-communities) (Головнёв и др. 2018: 103). Отмечая значимость онлайн-взаимодействия, представитель диаспоры высказался: «Facebook — мой второй дом» (Jacob 2013). Один из пользователей назвал форум румынской диаспоры «протянутой рукой» — «местом, где вы можете поделиться своим мнением как румынский иммигрант». Для другого члена диаспоры веб-сайт сообщества оказался «более надежным источником, чем Министерство внутренних дел... Это убежище, которое заставляет чувствовать себя ближе к дому, местом, где я нахожусь в контакте с нашим языком». Для многих (особенно для новичков) интернет является буферной зоной, благодаря которой они «могут справиться с погружением в принимающее общество, что объясняет частые ностальгические упоминания о вновь обретенном доме и символические стратегии возвращения». Для многих веб-сайты и связанные с ними форумы «становятся хранилищем знаний диаспоры, которые мигранты могут заимствовать и использовать» (Trandafoiu 2013: 3).

В позиционировании «этнического интернета» заметная роль принадлежит евреям, среди которых немало архитекторов интернет-ресурсов, в том числе соцсетей (например, Л. Пейдж и С. Брин в Google, М. Цукерберг, Э. Саверин и Д. Москович в Facebook, И. Сегалович в «Яндексе», Ю. Мильнер в «Одноклассниках» и «ВКонтакте»). В 1990-е годы американские евреи основали одно из первых диаспоральных интернет-сообществ CyberJew («КиберЕврей»), в 1999 г. русскоязычными евреями был создан Еврейский интернет-клуб, в 2000 г. — Глобальный еврейский онлайн центр Jewish, в 2004 г. — Центральный еврейский ресурс. Сеть обеспечивает разнообразные этнокультурные потребности — от сведений о еврейских праздниках и общинах до консультации юриста по переезду в Израиль и диалога с раввином. Первенство по популярности принадлежит сайтам знакомств, прежде всего Shalom-Friends («Шалом. Еврейские знакомства»), занимающему верхнюю строчку в «Еврейском ТОПе» (рейтинге сайтов знакомств). Через еврейские интернет-магазины («Кошер», «Еврейский магазин. Все что нужно евреям», «Магазин иудаики из Израиля», «Интернет-магазин сувениров со Святой земли») распространяются товары, пользующиеся этнокультурным спросом. В числе первых евреи инициировали дискуссию о соотношении реальности и виртуальности в этничности. Например, на одном из форумов обсуждались вопросы: «Является ли *киберседер*¹ реальным *седером*?» или «Как и какие функции благословения возможны в киберрежиме?» По опыту сообщества CyberJew, члены еврейской диаспоры оценили интернет как «ступень в истории евреев» и даже «новую парадигму иудаизма» (Poster 1998: 203–205).

Вслед за евреями другие диаспоры подхватили идею и технологию взаимодействия в виртуальной среде. Так, профессиональные журналисты-курды создали базирующийся в Великобритании портал www.kurdmedia.com, в задачи которого входят распространение знаний о культуре и языке курдов, создание платформы для обсуждения «курдского вопроса», определение перспектив «курдской нации» и государства «Объединенный Курдистан» на международной арене (Eriksen 2007). Уйгуры, покинувшие китайский Синьцзян, используют социальные сети для поддержания и укрепления этнических связей. На Facebook основными задачами они называют «борьбу против дискриминации в отношении своего народа», а также «получение новостей» от соплеменников, проживающих в Синьцзяне (Nuermaimaiti 2014). Греческая диаспора обозначила преимущества киберпространства: «Виртуальная организация является силой диаспоры. Диаспора уникальна

¹ Трапеза во время еврейского праздника Песах.

в своей организации: ее члены и сочувствующие разбросаны в отдаленных местах по всему миру: Восточная и Западная Америка, Канада, Европа и Япония... Интернет приобрел значимость, благодаря которой члены диаспоры встречаются и становятся командой» (Diamandaki 2003).

Израильские и американские общины репатриантов из бывшего Советского Союза создали специализированные этнические сайты, кошерные мобильные приложения, проводят онлайн-тренинги и вебинары по вопросам собственной культурной идентичности. Целостность «еврейского мира» поддерживается главным образом посредством коммуникации в мессенджерах и социальных сетях, закрытых женских и мужских группах, а также в общинных чатах. На своих аккаунтах некоторые пользователи предпочитают позиционировать себя с этнической стороны, например в Instagram встречаются следующие страницы с описанием профиля: «польский еврей», «девочка-еврейка», «еврейская психологиня», «еврейская гонщица», «важный еврей».

«Сетевые общины» переживают периоды зарождения и упадка, обретения популярности и утраты значимости. Лидеры женского еврейского сообщества в 2010-х годах создали закрытую группу Shop Shok в Facebook для обсуждения приемлемых для евреек идеалов красоты. Группа пользовалась популярностью среди женщин: в ней публиковали большое количество постов на актуальные темы. В скором времени группа начала переживать кризис: обострились споры по поводу одежды с точки зрения традиционных предписаний, а также участились дискуссии на сторонние темы. Вскоре одна из активисток вышла из Shop Shok и создала новую страницу — «Модный взгляд на скромность». Однако менее чем через три года новую группу постигла та же участь: появились диалоги не по теме, и большая часть активисток покинула сообщество, создав при этом очередную группу — «Стильная духовность» (Островская 2020: 276–279).

Как правило, в «женских» группах Facebook публикуются «объявления о продаже кошерной продукции для покрытия головы (париков, тюрбанов, мужских кип), поиске сватовства (*шидуха*) для неженатых мужчин, кошерной кондитерской продукции, выполняемой на заказ, и т. д.». Фотоальбомы сообществ составляют «портфолио русскоязычных дизайнеров кошерной моды, владельцев салонов кошерной одежды, кошерных кафе и шоурумов в городах различных стран постсоветского пространства» (Островская 2020: 278). Пользовательницы обсуждают допустимость принятия новых косметических трендов для еврейки, рассматривают и оспаривают реакции на новые веяния со стороны раввинов. К примеру, обсуждая уместность наращивания ресниц, еврейская пользовательница высказалась: «Ури Суперфин [один из лидеров еврейской общины] тоже писал, что можно [наращивать]. Прямо возбудили раввинские умы наши магнитные ресницы» (Островская 2020: 280).

Еврейские раввины, в свою очередь, предпочитают коммуникацию через личные блоги. В них они проводят «онлайн-уроки Торы», пишут посты по поводу праздников и обычаев, консультируют по духовным и практическим вопросам иудаизма, дают советы по интимным вопросам, высказываются по поводу острых тем (к примеру, гомосексуализма или наркотиков). Если изначально раввины представляли себя в блоге LiveJournal, то впоследствии многие перешли в сети «ВКонтакте» и Facebook. Некоторые в качестве основной площадки выбрали Instagram за его акцент на визуальности. По словам одного из раввинов, «одной фотографией можно передать больше ценности, чем длинной статьей». Многие придают значение количеству подписчиков и качеству их ознакомления с интернет-публикациями. Раввин Израэль Парипский сообщил, что подписка на аккаунт среди его учеников (прихожан) является обязательной: «Обычно на первом уроке я просил всех достать смартфоны и подписаться на все мои соцсети и только потом начинал урок» (Островская 2020: 283–286).

Для многих евреев информация в сообществах социальных сетей и переписках в мессенджерах обладает весом при разрешении вопросов о приемлемости тех или иных действий с точки зрения религиозных традиций. К примеру, Е. Островская, задавая вопрос о правилах и кошерности тех или иных действий, получала ответы преимущественно со ссылками на группы и блоги в социальных сетях (Островская 2020: 272–273).

Интернет-активизация украинской диаспоры в Канаде началась в 1997 г. на веб-площадке InfoUkes. Дизайн домашней страницы сайта отличало преобладание украинских культурных символов — флага, герба и карты Украины. С одной стороны, это демонстрировало сопричастность судьбе страны, с другой — отражало желание сделать «украинскую культуру доступной для более широкой аудитории» (Krekhovetsky 1998: 65). Кроме того, использование национальных символов было «адресовано внутригрупповой аудитории», что служило «источником идентификации для представителей украинской диаспоры» (Krekhovetsky 1998: 65). Форум сайта назывался «электронная глобальная деревня», на нем обсуждались как внутренние украинские сюжеты, так и внешние проблемы, в том числе проживание в чужой стране (Krekhovetsky 1998: 81).

Позиция члена диаспоры выражалась в двойственном отношении к украинским делам: с одной стороны, пользователи выказывали непосредственный интерес к судьбе Украины, с другой — демонстрировали свою отчужденность к происходящим событиям, подчеркивая тем самым «собственную гибридизированную идентичность». Обсуждая статью журналиста П. Хлебникова об ухудшающемся положении Украины, опубликованную в конце 1990-х годов, одни и те же члены диаспоры то опротестовывали ее положения, выказывая неравнодушие и связанность с судьбой родины, то соглашались с выводами, демонстрируя дистанцию от украинских дел (Krekhovetsky 1998: 101–102).

* * *

Румынская цифровая диаспора обозначилась с начала 2000-х годов на площадке группы Yahoo, где «с помощью онлайн-сообщений распространялись новости о культурных событиях Румынии» (Trandafoiu 2013: 1–2). Впоследствии наибольшей популярностью стал пользоваться сайт Români Online, на котором зарегистрировались несколько десятков тысяч румын, а общение поддерживалось на форуме веб-ресурса. Примерно с 2010-х годов «специализированные веб-сайты стали основным элементом жизни диаспоры, точно так же как десять лет назад мобильный телефон был необходим недавно прибывшим мигрантам» (Trandafoiu 2013: 1–2).

Формирование отношений внутри румынской цифровой диаспоры происходило неоднородно и неравномерно, а одним из начальных этапов ее становления стал так называемый каннибализм диаспоры («Diasporic Cannibalism»), который сопровождался «внутренним разъеданием группы» в виде конфликтов, разногласий и споров в чатах сообщества. Примером «каннибализма диаспоры» можно назвать состоявшуюся в 2008 г. на местном форуме дискуссию, поводом для которой стал комментарий пользовательницы Зое по поводу некомпетентности «продавцов, официантов, медсестер и администраторов» в Румынии. Некоторые участники восприняли запись Зое как личное оскорбление и унижение родной страны, реагируя следующим образом: «Зое, ты напоминаешь мне нацистов и их арийские теории» или «Ты человек или дьявол с человеческим лицом? От тебя исходит столько ненависти и высокомерия, что меня тошнит» (Trandafoiu 2013: 83). Конфликт разрастался, к его разрешению подключался модератор и другие пользователи с призывами к спокойствию и принесению взаимных извинений, однако дискуссия не теряла остроты.

Этот скандал Трандафою обозначила как «обычный день в жизни форумов диаспоры, где изобилуют личные конфликты». Кроме того, она подчеркивала, что в целом в румынской сети «царит мрачная атмосфера». Члены диаспоры осознавали негативные последствия внутренних разногласий и ратовали за мирное межличностное общение: «Меня тошнит... [что] мы не можем поддерживать себя как сообщество в чужой стране», «мы румыны, и мы находимся в чужой стране. Мы могли бы быть более сплоченными, как дома. Вместо этого зависть разделяет нас» (Trandafoiu 2013: 83). По мнению Барха, конфликтное поведение является нормальным состоянием для формирования отношений внутри диаспоры: «Диаспорные пространства определяются неоднородностью и конфликтностью, но все же им удается одновременно создавать коллективную идентичность» (Brah 1996: 184). Трандафою, в свою очередь, предполагала, что «первоначальный

индивидуализм и онлайн-дебаты однажды превратятся в активный коммунизм... а каннибализм диаспоры является необходимым этапом в процессе адаптации» (Trandafoiu 2013: 86).

На формирование цифровой диаспоры влияют внешние обстоятельства, несущие угрозу целостности сообщества. Одним из значимых событий для румынской диаспоры в Италии стала реакция общественности на убийство жительницы Рима, совершенное румынским цыганом И. Майлатом. Согласно материалам следствия, в ноябре 2007 г. румын ограбил, ранил и бросил итальянку в безлюдном месте, где в течение трех дней она скончалась от полученных травм. Случай вызвал широкий резонанс: местные жители, СМИ и государственные служащие осуждали не только преступника, но и всех приезжих румын, обвиняя их в склонности к преступлениям и нежелании нормально жить в чужой стране. Министр иностранных дел Румынии А. Чорояну даже высказался, что «все цыгане, нарушающие закон, должны быть депортированы в пустыню Сахара». Мэр Италии Вальтер Вальтронни назвал румын «самой жестокой, опасной и высокомерной расой». По его словам, в период с января по август 2007 г. 75 % всех арестованных в Риме были этническими румынами (Trandafoiu 2013: 86).

В ответ на обвинения и критику румынские пользователи распространяли протесты, открытые письма и призывы к онлайн- и офлайн-активности. В чатах члены диаспоры критиковали СМИ, итальянскую власть и особенно румынских политиков, которые не поддержали их в трудную минуту. В условиях внешней тревоги и угрозы внутри румынской диаспоры воцарились спокойствие, взаимная поддержка и ощущение «всеобъемлющего духа, направленного на борьбу с несправедливостью» (Trandafoiu 2013: 86). Таким образом, внешние обстоятельства отодвинули на задний план конфликты и противоречия внутри румынской диаспоры и снизили градус «каннибализма диаспоры».

Если в Италии и Испании румыны проявляют повышенную активность в цифровом сообществе, то в Северной Америке они представлены не столь ярко: интернет-ресурсы диаспоры в большей степени ориентированы на официальные новости, где «основное внимание уделяется двусторонним деловым визитам, румынским деятелям и их достижениям в США, а также текущей экономической ситуации в Румынии» (Trandafoiu 2013: 163). Наиболее активно североамериканские румыны проявляют себя в период политической мобилизации: во время выборов и правительственных кампаний. Вероятно, низкая онлайн-активизация объясняется отсутствием внешних угроз для групповой идентичности и, таким образом, недостаточной мотивацией к кибермобильности и виртуальной сплоченности.

* * *

Благодаря высокому уровню образования и знанию английского языка приезжие индийцы в начале 1990-х годов довольно быстро нашли себя в профессиональной деятельности, в том числе в ключевых отраслях экономики США. В то время их насчитывалось менее 0,8 % населения США, однако они составляли не менее 5 % работников банков и финансовых консультантов на Уолл-стрит (Lal 2003: 265). Индийские мигранты стояли у истоков Кремниевой долины, и до сих пор некоторые семьи готовят своих детей к работе программистами для североамериканских компаний. Таким образом, формирование индийской диаспоры происходило в том числе посредством компьютерных технологий и киберпространства.

Если мужчины адаптируются в новой среде посредством профессиональной деятельности, то их семьям, в частности женам, труднее определиться в незнакомом сообществе. Для сопровождения держателя рабочей визы H1B в США члены семей получают визу типа H4, которая позволяет находиться в стране, однако имеет ряд ограничений, в том числе при устройстве на работу. Одним из источников адаптации для недавно переехавших женщин, держательниц визы H4, является специальный форум, на котором они обсуждают возможности самореализации в чужой стране, а также делятся проблемами и результатами поиска квалифицированной работы. Одна из пользовательниц оставила следующий комментарий по поводу своего пребывания в США: «Что

делать? Я получила степень бакалавра в Индии. Работала в хорошей компании в Индии, зарабатывая приличные деньги. Я вышла замуж за держателя визы Н1В, что поставило меня в статус визы Н4 (да, это страшный Н4). Будучи Н4, я не могу работать и заработать ни единого доллара. Все, что я могу, — это сидеть дома и пялиться на четыре стены». Другая участница сообщила: «Когда я приехала в США в качестве невесты в 2007 г., то была потрясена, обнаружив, как моя свобода ограничена. Хотя меня об этом предупреждали, я этого не ожидала». Форум является не только пространством для обсуждения положения мигранток, но и местом «возвращения к старой жизни» в новых условиях. Так, не имея возможности посещать храмы, женщины организовали на сайте «чтение индуистских Священных Писаний в интернете, посещение виртуальных святынь и выполнение онлайн-ритуалов» (Mallapragada 2013: 56).

Еще одной стратегией адаптации членов индийской цифровой диаспоры стала работа интернет-магазинов индийской национальной одежды, еды и украшений Namaste.com и Indiaplaza в США. В 2000-е годы сайт Namaste.com специализировался главным образом на продовольствии, предлагая товары повседневного пользования (приправы, чечевицу, рис) и специальные продукты для проведения индийских праздников. Реклама сайта призывала не только приобретать товары для собственного потребления, но и пересылать их родным и друзьям: «Пошлите подарки маме и папе или своему лучшему другу в Индии в этом сезоне! Присылайте митхай [индийские сладости], сухофрукты, свежие пирожные, шелковые сари Кандживарам, титановые часы и многое другое» (Mallapragada 2013: 87).

На сайте Namaste.com «Индия» и «дом» никогда не были синонимичными, напротив, сайт предлагал создание собственной среды в чужой стране: «Реклама Namaste.com делает Индию мобильной культурой, которая приходит в США». Вместе с подвижностью мигранта происходит передвижение его культурных элементов, что, в свою очередь, обеспечивает трансформацию идентичности вкупе с привычным образом жизни. Сайты Namaste.com и Indiaplaza пользовались популярностью среди индийских мигрантов — впоследствии опыт двух магазинов привел к появлению целой онлайн-индустрии индийского рынка за рубежом. Интернет-магазины функционировали в том числе для «воссоединения с расширенной семьей в Индии», а обмен подарками был частью взаимоотношений с близкими, находящимися в другой части континента. В целом роль интернет-магазинов заключалась в «позиционировании себя как ключевого звена в переназначении родных территорий в связи с появлением новых средств массовой информации и миграции» (Mallapragada 2013: 89, 90, 97, 98).

Деси (выходцы из Индии) представляют себя как бесправных членов внутри индийской диаспоры: в чужой стране они проживают без документов, у них нет возможности иметь жилье и получить полноценную работу. Чаще всего деси заняты нелегальным трудом и рискуют быть обманутыми работодателями. Для отстаивания своих прав они создают сайты и страницы в социальных сетях, на которых общаются по поводу «невыплаченной заработной платы, плохих условий труда и отсутствия знаний о собственных правах» (Mallapragada 2013: 98). Чтобы привлечь внимание к своему положению, деси подключаются к онлайн-акциям, к примеру фотографируются в футболках с надписями *undocumented* («без документов»), *unfaired* («бесстрашный»). Онлайн-среда способствует формированию их внутреннего единства, ощущения безопасности, а также является способом борьбы против несправедливости и ущемления достоинства.

Опыты использования виртуального пространства членами диаспоры иллюстрируют, «как культура пространственно распределяется с помощью технологий и как пространственная технология наполняется культурными ценностями» (Scor 2014: 98). Исследуя интернет-привычки членов индийской цифровой диаспоры в США, Е. Скоп привел пять примеров индивидуальных стратегий онлайн-презентации:

1. Пользователь *Киран* является приверженцем традиционных индийских ценностей и «делает все возможное для сохранения национальной культуры и обычаев». Он часто ездит в Индию, посещает этнически ориентированные сайты, следит за индийским кинематографом, «соблюдает

индуистские праздники и святые дни в местном индуистском храме». Интернет для Кирана — один из важнейших инструментов «поддержания привязанности к Индии и сильного чувства этнической идентичности не только для него самого, но и для всей его семьи».

2. *Прасанна* также читает новости родной страны, пользуется ссылками на индийские кино-журналы, изучает страницы сайтов брачных знакомств, просматривает веб-ресурсы, посвященные индийской музыке, истории, политике, религии, а также интересуется сайтами по продаже традиционных продуктов. Она часто общается с родными в сети и участвует в онлайн-чатах со своими сверстниками. Интернет для Прасанны служит «инструментом, чтобы узнать больше о мире своих родителей, бабушек и дедушек, а также быть в курсе новостей о важных событиях в Индии». Онлайн-пространство дает ей возможность «непосредственного переживания Индии», а также представления реального пребывания в родной стране и общения с близкими людьми.

3. Семейная пара *Вену* и *Сайид*, напротив, почти не вовлечена в виртуальное индусское пространство. Если Сайид изредка посещает индийские сайты, то Вену никогда их не использовала и не следит за новостями в Индии. Интернет для них «не является инструментом доступа к индийской культуре, сообществу или поддержания индийской самоидентификации». При этом они общаются со своими близкими в Индии, однако используют не электронную связь, а телефон.

4. Пара *Амрита* и *Правсад* в основном читает американские сайты и интересуется информацией на местных ресурсах, используя, таким образом, онлайн-пространство для адаптации в чужом сообществе. Они редко просматривают новости о родной стране, однако посредством Сети находятся в постоянном контакте со своими близкими в Индии. Тем самым интернет «поддерживает их этническую идентичность только в качестве межличностной среды».

5. Семья *Рама* и *Алки* несколько лет живет в США, однако их образ жизни остается полностью индийским: они ходят в национальной одежде, говорят на своем диалекте и готовят исключительно традиционные блюда. В той части Индии, где они проживали, отсутствовала интернет-коммуникация, в новой стране они также не видят в ней необходимости. Социальный статус Рама и Алки в США довольно низкий — они не имеют специализированного образования и не владеют высокопрофессиональными навыками. Если для большинства мигрантов «интернет является одним из ресурсов для преодоления дистанции», то Рама и Алка не используют его совсем, Сеть для них — «место, где им пока не место» (Scop 2014: 87–94).

В начале 2000-х годов недавно переехавшие в Германию индийцы создали сеть *Indernet*, которая представляла собой «пространство переговоров, дискуссий и выработки собственной позиции по вопросам переезда в Германию» (Goel 2014: 68). Слово *Indernet* происходит от сочетания немецкого *Inder* (индиец) и английского *net* (сеть), тем самым отражая интернациональный статус членов диаспоры. На сайте обсуждались новые условия жизни за пределами родины, стратегии адаптации в чужом сообществе, а также разрабатывались способы коммуникации с оставшимися в Индии родными. Если изначально сайт работал на трех языках — хинди, немецком и английском, то постепенно хинди вышел из употребления, а страница стала в большей степени немецкоязычной. Это было связано с постепенным привыканием мигрантов к местной среде и усвоением новых культурных практик, в том числе языка.

В течение семи лет начиная с 2000 г. сайт работал непрерывно, однако с 2007 г. общение на веб-ресурсе стало угасать. Осенью 2011 г. деятельность портала вновь активизировалась, но уже не силами прежних индусов, а представителями второго поколения немецкоязычной диаспоры, заинтересованными в новой коммуникации. Параллельно с сайтом *Indernet* пользователи запустили одноименную группу на Facebook, которая стала основной площадкой для знакомств, переписок и обмена фотографиями. Члены диаспоры интересовались современной Индией, узнавали о жизни соплеменников, а также обсуждали впечатления от поездок на родину.

Таким образом, первый период работы сайта был направлен на адаптацию приезжих индийцев в чужой стране. Приспособление к новым условиям повлекло снижение потребности во взаимодействии, что привело к прекращению работы сайта. Впоследствии те, кто родился и вырос

уже в Германии, почувствовали интерес к общению со своими сородичами и желание получать информацию об Индии, в связи с чем члены диаспоры реактивировали работу веб-ресурса (Goel 2014).

Передвижение индийцев по всему миру повлекло за собой распространение индуизма. Некоторые стали говорить о том, что индуизм стоит «на пороге появления в качестве мировой религии». Многие веяния, замеченные в храмах Мумбаи (Бомбея) или Дели, стали быстро распространяться в Чикаго, Лос-Анджелесе, Лондоне, Лестере и др. (Lal 2003: 281). Благодаря глобализации религии некоторые индуистские деятели расширили круг влияния своего вероучения. Например, лидер направления Канчи-матх Канчи Шанкарачья никогда не выезжал за границу, но через интернет и контакты с «цифровой диаспорой» его идеи распространились по всему миру (Scheifinger 2014: 104). Индийские религиозные деятели предпочитают традиционные способы коммуникации, однако с благосклонностью относятся к передаче своих учений через интернет и открыты разного рода новшествам. Один из госвами заявил следующее по поводу создания собственной группы на Facebook: «О, это абсолютно необходимо, это цифровой век, и если мы хотим сохранить вещи живыми, то мы должны ухватиться за современные формы общения. Мы должны признать изменения, но в то же время поддерживать традицию» (Bachrach 2014: 167).

* * *

После падения Сайгона в 1975 г. более двух миллионов несогласных с коммунистическим режимом вьетнамцев мигрировали в Европу, Северную Америку и Австралию. Некоторое время они представляли разрозненное сообщество. Однако после падения коммунистического строя в странах Европы в начале 1990-х годов, а также в связи с массовым распространением интернета вьетнамцы начали объединяться в виртуальные группы, взаимодействовать и готовить в Сети планы по освобождению страны от нынешней власти (Lieberman 2003: 198).

Для некоторых вьетнамцев сложившаяся ситуация стала вызовом к продолжению войны, но уже не в реальности, а в виртуальности. К примеру, Лвин Мо в прошлом «носил боевую форму, держал в руках автомат АК-47 и бродил по джунглям с 201-м полком Всебирманского студенческого демократического фронта. Сегодня он в деловом пиджаке и уже в офисе в Таиланде, однако все еще сражается с тем же врагом, но совсем другими средствами. Его оружием теперь являются два настольных компьютера с частотой 233 МГц. Его поле битвы — киберпространство» (Eng 1998: 20).

По словам Либермана, «интернет стал центральным коммутатором для вьетнамских активистов, обменивающихся и распространяющих информацию» (Lieberman 2003: 201). Вьетнамцы создали несколько организованных групп виртуального сопротивления, например Вьетнамская правозащитная сеть и Международный комитет свободы взаимодействовали по вопросам «мониторинга политического насилия и преследований во Вьетнаме». Одна из групп оппозиционеров, получившая грант на приобретение компьютеров, выводила из строя электронную почту официальных вьетнамских структур. Некоторые центры функционировали напрямую из домов интернет-активистов: долгое время подобным образом работал портал Vietnam Insight, который оставался главным информационным центром и размещал статьи, «несущие голос оппозиции против репрессивного режима Вьетнама во внешний мир». По словам одного из вьетнамских оппозиционеров, «интернет и электронная почта фантастически подходят для пересечения границ... Ни один диктатор не сможет остановить это» (Lieberman 2003: 199–201).

Виртуальное пространство дало возможность оппозиционерам находиться в «собственном Вьетнаме» вне коммунистического режима и без современных политических лидеров. На главной странице сайта Viet Quo вьетнамцы-мигранты поместили статую «Скорбящего солдата», которая еще в конце войны была демонтирована коммунистами с Национального кладбища Южного Вьетнама. Свои виртуальные страницы они украшали использовавшимся до 1975 г. желто-красным полосатым флагом Южного Вьетнама. Техника анимации позволяла создавать визуальный эффект

развеваящегося флага, это давало оппозиционерам возможность «гордо заявлять, что они представляют вооруженные силы позднего Южного Вьетнама» (Lieberman 2003: 203).

На сайтах пользователи создавали виртуальные карты Вьетнама с собственной топографией, символами и обозначениями. Например, вместо названия города Хошимин в плане страны вьетнамской оппозиции использовалось довоенное именование Сайгон. На сайте «Свободного вьетнамского альянса» можно было увидеть ссылки на «вьетнамское время», которое отображало текущее местное время, а также узнать «вьетнамскую погоду» с расширенным прогнозом для вьетнамских городов. Разработчики и активные пользователи сайтов пытались воссоздать современный Вьетнам и призывали других участников к публикации местных фотографий и карт (Lieberman 2003: 215–216). Таким образом, отсутствие возможности побывать в реальном Вьетнаме побуждало пользователей к созданию собственного онлайн-Вьетнама с конструируемой историей и картографией.

* * *

Новый вид взаимоотношений между домом и работой представлен феноменом «транснационального материнства», в который сегодня вовлечены около 10 % филиппинок, находящихся на заработках за рубежом. В чужой стране они создали систему виртуальных отношений с домашним пространством: через Сеть воспитывают детей, следят за хозяйством, взаимодействуют с местными органами власти, поддерживают контакты с друзьями и соседями. Виртуальная повседневная жизнь филиппинских матерей детально и скрупулезно: они «могут рассказать еженедельное меню, последние школьные задания их детей и соседские сплетни. Матери-мигрантки обычно составляют списки покупок, посылают подробные инструкции по ремонту или рецепты и, как правило, удаленно управляют домашним хозяйством». Сесилия называет свою маму лучшей подругой, хотя в жизни не так часто с ней взаимодействовала. Когда они жили под одной крышей, мама большую часть времени проводила на дежурствах и в разъездах, а после ее эмиграции дочь и вовсе потеряла с ней физическую связь. Отсутствие контакта с матерью в реальности Сесилия старается компенсировать совместным времяпровождением в Сети — они переписываются, общаются по видеосвязи и даже «ходят по магазинам за одеждой, посещая одни и те же сайты». Их отношения можно охарактеризовать как взаимную заботу и внимание: Сесилия «смогла поддержать мать во время серьезных проблем со здоровьем, в то время как мать дает советы по отношениям и оказывает Сесилии поддержку» (Madianou 2016: 104, 106).

Несколько лет назад успешные молодые представители африканской диаспоры организовали виртуальное направление «Поколение Африки». Через вдохновляющие истории о жизни, преодолении и достижениях они мотивируют африканцев по всему миру к продвижению и самореализации. По словам представителей «Поколения Африки», интернет дает возможность «перепрыгнуть через технологическую эволюцию» и тем самым возродить утраченные различия с прогрессирующими странами. Свою деятельность они считают «борьбой со стереотипами» и «конструированием альтернативных паттернов самоопределения». Американская писательница нигерийского происхождения Т. Селаси считает себя «местной во многих местах» и называет «афрополиткой». Ее высказывание привело к появлению популярного хештега и направления движения #afropolitan — африканца вне границ и территорий (Хохолькова 2020: 96–99).

Таким образом, киберпространство как «земля нигде» позволяет «постоянно перестраивать и переделывать отношения с родиной» (Trandafoiu 2013: 163). Благодаря виртуализации «цифровые диаспоры» обладают автономностью и формируют собственные стратегии презентации сообщества. При этом, как показывает опыт представителей румынской диаспоры, конструирование образа группы происходит и с внешней стороны, что влияет на внутреннюю целостность и самосознание сообщества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Белоруссова С. Ю.* Киберэтнография: методология и технология // Этнография. 2021. № 3 (13). С. 123–145.
- Головнёв А. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С.* Веб-этнография и киберэтничность // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 100–108.
- Островская Е.* Медиапрактики русскоязычных ортодоксальных евреев: женские группы и раввинские блоги в Facebook и Instagram // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. Т. 38, № 2. С. 263–292.
- Пожидаева М. А.* Интернет-технологии как средство диаспорной коммуникации // Идеи и идеалы. 2016. № 1 (27). Т. 2. С. 22–29.
- Хохолькова Н. Е.* «Африканцы XXI века»: репрезентации транскультурной идентичности в виртуальном пространстве // Этнография. 2020. № 3 (9). С. 90–102.
- Alonso A., Oiarzabal P. J.* The Immigrant Worlds' Digital Harbors: An Introduction // *Diasporas in the New Media Age. Identity, Politics and Community.* Reno: University of Nevada Press, 2010. P. 1–15.
- Bachrach E.* Is Guruji Online? Internet Advice Forums and Transnational Encounters in a Vaishnav Sectarian Community // *Indian Transnationalism Online: New Perspectives on Diaspora.* Burlington, VT: Ashgate Publishing limited, 2014. P. 147–161.
- Bernal V.* Diaspora, Cyberspace and Political Imagination: The Eritrean Diaspora Online // *Global Networks* 2006. № 6 (2). P. 161–179.
- Brah A.* Cartographies of Diaspora: Contesting Identities. London: Routledge, 1996.
- Brinkerhoff J. M.* Digital Diasporas: Identity and Transnational Engagement. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Diamandaki K.* Virtual Ethnicity and Digital Diasporas: Identity Construction in Cyberspace // *Global Media Journal.* № 2. 2003. P. 3–14.
- Eng P.* A New Kind of Cyberwar — in Burma, Thailand, Indonesia, Vietnam: Bloodless Conflict // *Columbia Journalism Review.* 1998. № 3 (37). P. 20.
- Eriksen T. H.* Nations in Cyberspace. 2007. URL: <http://tamilnation.co/selfdetermination/nation/erikson.htm> (дата обращения: 30.12.2019).
- Jones S.* Understanding Community in the Information Age // *CyberSociety: Computer-Mediated Communication and Community.* Thousand Oaks, CA: Sage, 1995. P. 10–35.
- Goel U.* From the German Periphery — On Ethnographic Explorations of Indian Transnationalism Online // *Indian Transnationalism Online: New Perspectives on Diaspora.* Burlington, VT: Ashgate Publishing limited. 2014. P. 63–80.
- Krekhovetsky L.* Writing Ethnicity on the Internet: Communicative Practices of the Ukrainian Virtual Community. A Thesis in the Department of Communication Studies. Presented in Partial Fulfillment of Requirements for the Degree of Master of Arts at Concordia University. Montreal, Quebec, Canada. October, 1998.
- Lal V.* North American Hindus, the Sense of History, and the Politics of Internet Diasporism // *Asian America. Net: Ethnicity, Nationalism and Cyberspace* / ed. by R. C. Lee, Sau-ling C. Wong. New York; London: Routledge, 2003. P. 255–333.
- Lieberman K.-A.* Virtually Vietnamese: Nationalism on the Internet // *Asian America. Net: Ethnicity, Nationalism and Cyberspace* / ed. by R. C. Lee, Sau-ling C. Wong. New York; London: Routledge, 2003. P. 198–254.
- Madianou M.* “Doing Family” at a Distance: Transnational Family Practices in Polymedia Environments // *The Routledge Companion to Digital Ethnography.* New York: Routledge, 2016. P. 102–111.
- Mallapragada M.* Virtual Homelands: Indian Immigrants and Online Cultures in the United States. Urbana, Chicago: University of Illinois Press, 2013.
- Mitra A.* Creating Immigrant Identities in Cybernetic Space: Examples from a Non-Resident Indian Website // *Media, Culture and Society.* 2005. № 27 (3). P. 371–390.
- Nuermaiti R.* Identity Construction Online: The Use of Facebook by the Uyghur Diaspora: A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements of Master of International Communication Unitec Institute of Technology. New Zealand, 2014. URL: <http://unitec.researchbank.ac.nz/bitstream/handle/10652/2477/Reziwanguli%20Nuermaiti%201363852.pdf?sequence=1> (дата обращения: 30.12.2019).
- Poster M.* Virtual Ethnicity: Tribal Identity in an Age of Global Communications // *CyberSociety 2.0. Revisiting Computer-Mediated Communication and Community.* Thousand Oaks: Sage, 1998. P. 184–211.
- Scheifinger H.* Online Connections, Online Yatras: The Role of the Internet in the Creation and Maintenance of Links between Advaita Vedanta Gurus in India and their Devotees in the Diaspora // *Indian Transnationalism Online: New Perspectives on Diaspora.* Burlington, VT: Ashgate Publishing limited. 2014. P. 103–119.

Scop E. 'ThirdSpace' as Transnational Space // *Indian Transnationalism Online: New Perspectives on Diaspora*. Burlington, VT: Ashgate Publishing limited, 2014. P. 81–101.

Trandafoiu R. *Diaspora Online: Identity Politics and Romanian Migrants*. Oxford; New York: Berghahn Books, 2013.

REFERENCES

Alonso A., Oiarzabal P. J. The Immigrant Worlds' Digital Harbors: An Introduction. *Diasporas in the New Media Age. Identity, Politics and Community*, Reno: University of Nevada Press, 2010, pp. 1–15.

Bachrach E. Is Guruji Online? Internet Advice Forums and Transnational Encounters in a Vaishnav Sectarian Community. *Indian Transnationalism Online: New Perspectives on Diaspora*. Burlington, VT: Ashgate Publishing limited, 2014, pp. 147–161.

Belorussova S. Yu. Kiberetnografiia: metodologiya i tekhnologiya [Cyberethnography: Methodology and Technology]. *Ethnografia*, 2021, no. 3 (13), pp. 123–145. (In Russian)

Bernal V. Diaspora, Cyberspace and Political Imagination: The Eritrean Diaspora Online. *Global Networks*, 2006, no. 6 (2), pp. 161–179.

Brah A. *Cartographies of Diaspora: Contesting Identities*. London: Routledge, 1996.

Brinkerhoff J. M. *Digital Diasporas: Identity and Transnational Engagement*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Diamandaki K. Virtual Ethnicity and Digital Diasporas: Identity Construction in Cyberspace. *Global Media Journal*, 2003, no. 2, pp. 3–14.

Eng P. A New Kind of Cyberwar — in Burma, Thailand, Indonesia, Vietnam: Bloodless Conflict. *Columbia Journalism Review*, 1998, no. 3 (37), p. 20.

Eriksen T. H. *Nations in Cyberspace*. 2007. URL: <http://tamilnation.co/selfdetermination/nation/erikson.htm> (accessed 30.12.2019).

Jones S. Understanding Community in the Information Age. *CyberSociety: Computer-Mediated Communication and Community*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1995, pp. 10–35.

Goel U. From the German Periphery — On Ethnographic Explorations of Indian Transnationalism Online. *Indian Transnationalism Online: New Perspectives on Diaspora*. Burlington, VT: Ashgate Publishing limited, 2014, pp. 63–80.

Golovnev A. V., Belorussova S. Yu., Kisser T. S. Veb-etnografiia i kiberetnichnost' [Web Ethnography and Cyber-Ethnicity]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 2018, no. 1 (58), pp. 100–108. (In Russian)

Khokholkova N. Ye. "Afrikantsy 21 veka: reprezentatsii transkul'turnoi identichnosti v virtual'nom prostranstve ["Africans of the 21st Century": Representations of Transcultural Identity in the Virtual Space]. *Ethnografia*, 2020, no. 3 (9), pp. 90–102. (In Russian)

Krehhovetsky L. *Writing Ethnicity on the Internet: Communicative Practices of the Ukrainian Virtual Community*. A Thesis in the Department of Communication Studies. Presented in Partial Fulfillment of Requirements for the Degree of Master of Arts at Concordia University. Montreal, Quebec, Canada. October, 1998.

Lal V. North American Hindus, the Sense of History, and the Politics of Internet Diasporism. *Asian America. Net: Ethnicity, Nationalism and Cyberspace*. Ed. by R. C. Lee, Sau-ling C. Wong. New York; London: Routledge, 2003, pp. 255–333.

Lieberman K.-A. Virtually Vietnamese: Nationalism on the Internet. *Asian America. Net: Ethnicity, Nationalism and Cyberspace*. Ed. by R. C. Lee, Sau-ling C. Wong. New York; London: Routledge, 2003, pp. 198–254.

Madianou M. "Doing Family" at a Distance: Transnational Family Practices in Polymedia Environments. *The Routledge Companion to Digital Ethnography*. New York: Routledge, 2016, pp. 102–111.

Mallapragada M. *Virtual Homelands: Indian Immigrants and Online Cultures in the United States*. Urbana, Chicago: University of Illinois Press, 2013.

Mitra A. Creating Immigrant Identities in Cybernetic Space: Examples from a Non-Resident Indian Website. *Media, Culture and Society*, 2005, no. 27 (3), pp. 371–390.

Nuermaimaiti R. *Identity Construction Online: The use of Facebook by the Uyghur Diaspora*. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements of Master of International Communication Unitec Institute of Technology. New Zealand, 2014. URL: <http://unitec.researchbank.ac.nz/bitstream/handle/10652/2477/Reziwanguli%20Nuermaimaiti%201363852.pdf?sequence=1> (accessed 30.12.2019).

Ostrovskaja E. Mediapraktiki russkoiazychnykh ortodoksal'nykh evreev: zhenskie gruppy i ravvinskije blogi v Facebook i Instagram [Media Practices of Russian-Speaking Orthodox Jews: Women's Groups and Rabbinic Blogs

on Facebook and Instagram]. *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 2020, no. 2, vol. 38, pp. 263–292. (In Russian)

Poster M. Virtual Ethnicity: Tribal Identity in an Age of Global Communications. *CyberSociety 2.0. Revisiting Computer-Mediated Communication and Community*. Thousand Oaks: Sage, 1998, pp. 184–211.

Pozhidaeva M. A. Internet-tehnologii kak sredstvo diaspornoj kommunikatsii [Internet Technologies as a Means of Diaspora Communication]. *Idei i idealy*, 2016, no. 1 (27), vol. 2, pp. 22–29. (In Russian)

Scheifinger H. Online Connections, Online Yatras: The Role of the Internet in the Creation and Maintenance of Links between Advaita Vedanta Gurus in India and their Devotees in the Diaspora. *Indian Transnationalism Online: New Perspectives on Diaspora*. Burlington, VT: Ashgate Publishing limited, 2014, pp. 103–119.

Scop E. 'ThirdSpace' as Transnational Space. *Indian Transnationalism Online: New Perspectives on Diaspora*, Burlington, VT: Ashgate Publishing limited, 2014, pp. 81–101.

Trandafoiu R. *Diaspora Online: Identity Politics and Romanian Migrants*. Oxford; New York: Berghahn Books, 2013.

Submitted: 15.10.2021

Accepted: 09.11.2021

Published: 15.12.2021